

Check for updates

Теория и история культуры, искусства

УДК 008

EDN ORDKYL

<https://www.doi.org/10.33910/2687-1262-2024-6-4-308-318>

Некрополи Херсонеса как сакральный культурный ландшафт

А. В. Дмитриева ^{✉1}, А. Д. Чистова ¹

¹ Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена,
191186, Россия, г. Санкт-Петербург, наб. реки Мойки, д. 48

Для цитирования:

Дмитриева, А. В., Чистова, А. Д. (2024) Некрополи Херсонеса как сакральный культурный ландшафт. *Журнал интегративных исследований культуры*, т. 6, № 4, с. 308–318. <https://www.doi.org/10.33910/2687-1262-2024-6-4-308-318> EDN ORDKYL

Получена 24 октября 2024; прошла рецензирование 10 ноября 2024; принята 15 ноября 2024.

Финансирование: Исследование не имело финансовой поддержки.

Права: © А. В. Дмитриева, А. Д. Чистова (2024). Опубликовано Российским государственным педагогическим университетом им. А. И. Герцена. Открытый доступ на условиях лицензии ССВУ-NC 4.0.

Аннотация. В работе проанализированы представления о смерти в аксиологической модели мира античной и византийской культур на материале (в том числе, археологическом) некрополей Херсонеса Таврического V в. до н. э. — XIV в. н. э. Некрополи Херсонеса формировались и обретали ландшафтную локализацию и видовую специфику захоронений на протяжении двух тысяч лет, вместе с ростом самого города и его историко-цивилизационными, социально-антропологическими трансформациями. Тесная связь некрополя с религиозной традицией позволяет рассматривать его как особый — сакральный — ландшафт, воплотивший ценностно-мировоззренческие аспекты населения города. Для сакрального ландшафта некрополя выделены границы экзистенциальные, связанные с мифологемами «переходности», и визуальные, обозначающие его в окружающем пространстве. Некрополь как сакральный ландшафт имеет особую архитектурно-планировочную структуру и пространственные принципы организации. Особое место в ландшафте некрополя занимает надгробный памятник, оформляющий захоронение в виде стелы, символически соединяющей землю и небо, а также являющий собой ипостась храмового алтаря. Как любой другой сакральный ландшафт, некрополь имеет своих «стражей», представленных апотропеями, в роли которых выступают мифологические персонажи. В частности, для некрополя Херсонеса к таковым можно отнести грифона и сирену, встречающихся на порталах надгробных памятников, стенках саркофагов, многочисленном погребальном инвентаре. Некрополи Херсонеса дают богатый материал для междисциплинарных исследований и являются важнейшим источником реконструкции ценностных смыслов культур, в которых доминирует религиозное сознание, вне зависимости от его типа — языческого или христианского.

Ключевые слова: некрополь, сакральный ландшафт, погребальный обряд, ритуал, иеротопия, апотропейон, стела, склеп

Necropolises of Chersonesos as a sacred cultural landscape

L. V. Dmitrieva [✉], A. D. Chistova ¹

¹ Herzen State Pedagogical University of Russia, 48 Moika Emb., Saint Petersburg 191186, Russia

For citation: Dmitrieva, L. V., Chistova, A. D. (2024) Necropolises of Chersonesos as a sacred cultural landscape. *Journal of Integrative Cultural Studies*, vol. 6, no. 4, pp. 308–318. <https://www.doi.org/10.33910/2687-1262-2024-6-4-308-318> EDN ORDKYL

Received 24 October 2024;
reviewed 10 November 2024;
accepted 15 November 2024.

Funding: The study did not receive any external funding.

Copyright: © L. V. Dmitrieva, A. D. Chistova (2024). Published by Herzen State Pedagogical University of Russia. Open access under [CC BY-NC License 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/).

Abstract. This article deals with the concepts of death from the perspective of an axiological worldview in antiquity. It also explores the Byzantine culture (including the archeological one), specifically focusing on Chersonesos Taurica necropolises between the 5th century BC and 14th century AD. The development of Chersonesos Taurica necropolises and their specific landscape and burial types took two thousand years. Meanwhile, the city was growing, undergoing historical, civilizational, social and anthropological transformation. Given its close ties with religion, a necropolis can be viewed as a special sacral landscape that is emblematic of the axiological values of the city. This sacred landscape has existential boundaries associated with the mythologems of ‘transition’ as well as the visual ones, which mark it out in the surrounding space. As a sacral landscape, a necropolis shows specific architectural planning and spatial arrangement. A notable role in its landscape is played by a tombstone in the form of a stele, which symbolically connects the earth and the sky, and also represents the hypostasis of the temple altar. Like any other sacred landscape, the necropolis has its own ‘guardians’ — mythological characters known as apotropaia. In the case of Chersonesos, these include a griffin and a siren, found on the portals of tombstones, the walls of sarcophagi and numerous grave goods. Chersonesos Taurica necropolises provide rich material for interdisciplinary study. They are also instrumental in decoding the meaning of axiological culture, where religious thinking is predominant, whether pagan or Christian.

Keywords: necropolis, sacred landscape, cultural landscape, funeral rite, ritual rite, sacred site

Основоположник понятия «культурный ландшафт» О. Шлютер считал, что главное место в концепции данного термина занимает человек как носитель определенных культурных ценностей (Стрелецкий 2003, 42). В морфологии культурных ландшафтов особо выделяются места, связанные с религиозными потребностями человека, и в частности, места погребений, или тафальные ландшафты. Представление о том, что ждет человека после смерти, формировало основополагающие аспекты погребальной обрядности. Как строить кладбище? Каким образом проводить обряд погребения? Каков будет погребальный инвентарь? Нужен ли он вообще? Все эти вопросы регулирует религиозная система, определяющая мировоззрение общества в его ценностных аспектах. Ландшафтообразующими факторами некрополя выступают духовно-религиозные, морально-нравственные ценности, формирующие условия для появления иеротопии (др.-греч. ἱερός — священный и др.-греч. τόπος — место, пространство) — создания сакральных, священных пространств (Лидов 2009, 61).

С. П. Романчук важным признаком сакрального ландшафта называет его способность

сохранять духовную (священную) функцию территории на протяжении значительного времени, иногда тысячелетий, даже при изменении религиозной и этнической принадлежности населения (Романчук 2000). Данная характеристика в полной мере применима к многослойным некрополям Херсонеса, где греческие погребения часто использовались повторно римлянами, а фамильные римские склепы продолжали служить византийцам и могли эксплуатироваться в течение нескольких столетий.

Некрополи Херсонеса развивались в соответствии с общегреческой погребальной практикой, по которой захоронения располагались в непосредственной близости от оборонительных стен, за которыми и начинался «город мертвых». Захоронения Херсонеса расположены вдоль периметра городских стен и ведущих в город дорог. Первые захоронения располагались на северном берегу, в районах монастырской оранжереи и Карантинной бухты. После расширения городских стен в IV в. до н. э. некрополь стал строиться по периметру новых оборонительных сооружений (Сорочан 2013, 168).

Мифологизация природного ландшафта

Пространство сакрального ландшафта складывается из совокупности природных и культурных объектов. Сакрализация ландшафта начинается с мифологизации его природного локуса. Географическое пространство трансформируется сознанием человека в сакральное через включение его объектов в контекстное поле мифа, религии и ритуала. Рассмотрим, как природный ландшафт обретает черты сакрального на примере Западного некрополя Херсонеса.

Стоит заметить, что ландшафт Западного некрополя не отличается разнообразием: скальная порода, большее время года выжженная солнцем земля — нейтральные бежевые, серые тона — цвета «переходности», «пограничного» состояния. Проводя аналогии с многочисленными описаниями «иног» мира в древнегреческой мифологии: «...в подземном царстве нет ни зеленых долин, ни прекрасных лугов, только иссушенная каменистая земля, на которой не растет ни травинки, а берега рек покрывают заросли асфодела» (Бердина 2015, 47).

Сопоставимо с космологическими христианскими текстами, данная цветовая тональность — это палитра Чистилища в его символической функции пограничного состояния души между Адом и Раем (хотя в восточном христианстве (Византия) данная идея и не имела хождения, в отличие от западного). У Данте, который в «Божественной комедии» скомпоновал в одном тексте античную и христианскую космологию, странствие по Чистилищу пролегает через «пустынный берег», по дороге «сплошного серокаменного цвета» (Данте Алигьери 1982, 140). И только весной, в мае, некрополь Херсонеса расцветает ковром алых маков. Но и в этом недолгом цветении природы прочитывается символика потустороннего: мак — атрибут бога смерти Танатоса, который носит венки из этих цветов.

Визуализируя сакральный ландшафт в его пейзажных характеристиках, стоит обратить внимание и на тот факт, что Западный некрополь выделяет из окружающего ландшафта крутизна высокого берега, обрывающегося в бездну моря. Эта внезапная конечность земной тверди невольно вызывает аналогию конца ойкумены, цивилизованного пространства обитаемого мира.

У каждого народа существуют свои сакральные локусы, фиксирующие понятие «края мира». Древние греки известные им части Понтийско-

го (Черного) моря считали частями Океана — реки, опоясывающей обжитое человеком пространство, берега которой — это край света, граничащий с загробным миром. Эта картина мира наложила свой отпечаток на представления о Скифии — земли на крайнем северо-востоке Европы: «поскольку с Океаном были связаны представления о загробном мире, черноморская Скифия в целом и ее отдельные части после их открытия греками также стали с ним ассоциироваться» (Иванчик 2015, 42–43). В трагедии Эсхила «Прометей прикованный» граница Океана, опоясывающего землю, где Гефест к голым скалистым кручам над бездной моря приковал обреченного Зевсом на муки титана, находилась «у конца земли, в безлюдном скифском и глухом краю», «где голосов не слышно человеческих и лиц людских не видно» (Эсхил 1989, 234–235).

Северное Причерноморье — дальняя юго-западная провинция Великой Скифии, простирающейся от арктического побережья до Гималаев, и от Днепра до Приморья. Представления о Скифии как периферии античного мира подтверждают особые мифологические персонажи, населяющие эту землю, и вариации мифологических сюжетов, с ними связанных. Так в причерноморской Скифии, на самом краю земли, обитают воинственные амазонки, образ которых в мифологии наделяется выраженной маргинальной семантикой (Фиалко 2005).

На оконечности земли, у Океана, титан Атлас держит на плечах небесный свод. День здесь сходится с Ночью, и души мертвых печально сходят в подземный мир. Здесь же, на границе мироздания, находится Сад гесперид с Мировым деревом, соединяющим все части мироздания — земной, подземный и небесный. Золотые яблоки, растущие на дереве границ миров, обладают даром бессмертия. Воплощением нижнего мира выступает и змееногая Богиня-прародительница скифов Апи (Дева), изображения которой представлены на многочисленных археологических находках. Завитки из змей, словно корни, уходят под землю, символизируя хтоническую суть богини (Артамонов 1961, 67). М. В. Скржинская, приводя в своей статье свидетельства подвигов Геракла в Скифии, делает вывод: «В рассматриваемых мифах ясно просматривается широко известная тенденция фольклора относить действие в далекую, почти неведомую страну, на край света, где на границе реального и потустороннего мира живут сказочные народы (гиперборейцы, амазонки) и растут удивительные деревья (яблони с золотыми яблоками)» (Скржинская 1989, 228).

Относительно сакральной географии периферийного мира обращает на себя внимание замечание Е. А. Семичевой о том, что «если в центральной части Аттики в сакральном пространстве преобладают культурные экспликации, на окраинах области значительно выше степень распространенности и значение сакрального природного объекта» (Семичева 2011, 30). Данный тезис как нельзя более применим к ландшафту некрополя Херсонеса. Западный некрополь, маркируя границы города, примыкает вплотную к береговой линии. Кромка, конечность суши-земли (читай: граница земного существования) — с одной стороны и бескрайнее море — с другой. Море, контрастное суше своей яркой и выразительной цветовой палитрой, с парящими над ним белыми птицами, словно открывает простор и свободу заключенной в теле душе.

Тело в греческом религиозном сознании — темница, которую душа покидает после его смерти. «Эти представления воплотились в культах Деметры и Диониса, с постепенным укрощением оргийно-эстетических форм и с превращением в религиозно-нравственные учения о спасении души...», — замечает А. С. Гагарин (Гагарин 2017, 14). Освобожденная из телесной темницы душа обретает образ окрыленного существа, и в частности, белой птицы. Переход человеческой души в образ птицы — распространенный мифологический сюжет: «Птица — символ воплощения духа умерших, характерный не только для индоевропейских народов. Свидетельством этому может служить название Млечного Пути “птичьей дорожкой” наряду с названием “тропа душ” у различных народов Европы и Азии» (Велецкая 1978, 9). К народным поэтическим представлениям о душе и свободе восходит образ чайки, равно как белый голубь в христианстве — образ невинной, чистой души.

Таким образом, некрополь как место упокоения тела через совершение над ним необходимого обряда можно считать исходным пунктом начала путешествия «в иной мир» «освободившейся» души. Как отмечает О. В. Десяткова, «в представлениях о священных местах отразилось не только восприятие ландшафта как границы миров, но и пограничного существования самого человека» (Десяткова 2015, 100).

Ландшафтную локализацию Западного некрополя Херсонеса в визуальном восприятии его природного окружения можно назвать классической иллюстрацией сакрального пространства, о котором пишет М. Элиаде: «Сакральные пространства являются границей трех миров, территорией “разрыва уровней” Неба, Земли и преисподней» (Элиаде 2000, 157). Таким об-

разом, Западный некрополь Херсонеса в его экологической нише выступает ландшафтной аналогией мифологической и философской семантики «междумирия», места, где душа должна совершить переход границы к другому качеству своего существования.

Границы сакрального ландшафта некрополя

Помимо границ экзистенциальных, связанных с переходом души в иное состояние и иной мир посредством осуществляемых ритуально-обрядовых практик погребения, некрополь как сакральный ландшафт имеет границы топографические, визуально обозначающие его в пространстве.

Сакральные места всегда скрывались от глаз непосвященных, поэтому вокруг теменосов и алтарей высаживались деревья, образующие естественную изгородь. В. Н. Воловик указывает на близкое к лексеме «сакральный» латинское слово *sanctus*, которое обозначает «окруженный изгородью» (*murus sanctus*), особый маркер территории, который появляется из запретов, установленных людьми (Воловик 2013, 27). Так ландшафт культурный становится здесь культовым. К таким табуированным ландшафтам относится и сакральное пространство некрополя.

В структуре пространственной организации античного полиса некрополь располагается за оборонительными стенами, хотя и в непосредственной близости к городу. Данная планировочная структура находит свое обоснование в многочисленных философских учениях, где преобладает «установка на изгнание смерти за границы жизни, на элиминацию смерти из мыслительного пространства» (Гагарин 2017, 13). И хотя на проблему потустороннего бытия души в античной философии не было выработано единого взгляда, в отличие от христианского учения, данная установка «объединяла как сторонников идеи об отсутствии загробного бытия души (Эпикур, Лукреций Кар, Сократ, киники), так и уповающих на посмертное обретение души подлинного бытия в «ином» мире (орфики, Пифагор, Платон, гностики, Плотин)» (Гагарин 2017, 13).

Границы некрополя как сакрального ландшафта также были обозначены в пространстве, как и границы города живых. Греки высаживали на кладбищах кипарис — дерево траура. Кроны кипарисов, выстраиваясь в темные аллеи и изгороди, образуют неотъемлемую часть ландшафта некрополя. Прочитывая семантику

кипариса в культуре Античности, можно сделать вывод, что это дерево с выраженными элементами иерофании. Высокий, подобный свече, кипарис соединяет землю с небом, жизнь со смертью, указывает душе путь на небо.

Не случайно с кипарисом связана обширная погребальная символика и мифологический контекст. Согласно известному этиологическому мифу, предназначение «быть всегда со скорбящими» Аполлон определил дереву, в которое им был превращен прекрасный юноша. Когда человек умирал, на дверь дома вывешивалась кипарисовая ветвь как знак траура. Древние греки предпочитали кипарисовые гробы, а герои-воины отправлялись в свой последний путь на погребальный костер, сложенный из кипариса. Рукоять погребального факела Гермеса (проводника умершего в царство Аида) сделана из кипариса. Аид восседает на своем троне в венке из ветвей кипариса. И у греков, и у византийцев считались священными кипарисовые рощи. Вход в гробницу-курган оформлялся каменной кладкой, повторяющей контуры кипариса (например, Царский курган в Керчи).

Символом границы между локусами «своим» и «чужим» в традиционных культурах считаются ворота. Простейшая балочная архитектурная конструкция визуально разделяет пространство, конкретный ландшафт, и одновременно является переходом из одного качественного состояния в другое. Данные представления фиксируются в исторической топонимике города. Так Южные ворота Херсонеса в Средние века называют *Nekre aulororta* — «Ворота мертвых». Южные ворота располагались напротив обширного некрополя около Карантинной бухты, а «мертвыми» их называли потому, что через них обычно выносили покойников, «чтобы по дороге, пролегавшей именно по периболу, между двумя оборонительными стенами, доставить для погребения на обширное кладбище около Карантинной бухты» (Сорочан 2013, 65).

Надгробный памятник как маркер сакрального пространства

В качестве границы, маркирующей сакральное пространство некрополя, также может рассматриваться надгробный памятник. На это, в частности, обращает внимание Д. Ю. Молок, приводя существовавшую традицию устанавливать надгробную стелу не прямо над захоронением, а на его границе, выходящей на дорогу. В этом случае «надгробие становилось буквально порогом, преддверием могилы» и «выступа-

ет аналогом хороса — межевого знака» (Молок 1988, 153).

Греки верили в непосредственную связь умершего и его души с могилой, поэтому практиковали обычай ставить на месте захоронения надгробие, что генетически связано с представлениями о сакральном значении данного участка земли как места поминовения, отсюда и второе название надгробия — *μνημα*, память, памятник. «Поставленное на пороге могилы, в ее преддверии, надгробие и изображает сцены, происходящие в преддверии, в котором... время остановилось и потекло вспять, в котором возможны неожиданные превращения» (Молок 1988, 154).

Оформление надгробия в виде высокой стелы ассоциировало его с храмовым алтарем. Сама стела представляет собой метафору контакта земли с небом, она соединяет эти два мира. Стела представляла собой узкую и высокую мраморную плиту с рельефным изображением усопшего или небольшой скульптурной композицией.

Надгробия в виде узких высоких стел из инкерманского желтого известняка можно назвать самыми распространенными на некрополе Херсонеса второй половины V — начала VI вв. до н. э. В частности, в ходе исследования башни Зинона был найден 151 фрагмент надгробных стел, попавших туда, предположительно с юго-восточного некрополя (Зубарь 2007, 10). Стелы имеют традиционное завершение в виде фронтона или карниза с акротерием. «Мотивы храмовых украшений проецировались на саркофаги и надгробные стелы в виде храмов, связывая тем самым идею храма как дома богов и надгробного памятника как дома для души усопшего» (Хабарова 2016, 102). Акротерии с рельефной или живописной пальметтой — знаком грядущего бессмертия души — выделялись на голубом и синем фоне, придавая херсонесским стелам особую декоративность.

Помимо декоративной функции акротерии надгробий несли символическую нагрузку и транслировали нарративный смысл мифа. Изобразительная традиция ограничивает надгробные акротерии достаточно узким кругом мифологических образов «преддверия», имеющих хтоническое происхождение и химерический облик: сфинкс, сирена, грифон. В погребальном культе Херсонеса в IV — начале III в. до н. э. данные образы были распространены также и на каменных саркофагах (Шауб 1987, 30).

Таким образом, каждое захоронение некрополя античного периода представляет собой дом для усопшей души и одновременно получает

смысловую нагрузку поминального храма. В Византийский период ландшафт некрополя уже невозможно представить без храма настоящего — часовни, базилики, — который становится архитектурной доминантой сакрального ландшафта и одновременно его главным сакральным объектом.

Семантика мифологических образов «стражей сакральных границ»

Погребальная символика химерических образов сфинкса, сирен и грифона подчеркивается их хтоническим мифологическим происхождением. Хтонический миф непосредственно соприкасается с погребальной сферой, подчеркивая апотропеические свойства данных персонажей. «Стражи миров» устрашали своим необычным и выразительным обликом.

Греческий сфинкс — химерическое существо, имеющее хтоническое происхождение (порождение Тифона и Ехидны). В своей мифологической функции стража гробниц он является преемником сфинкса египетского. Величаемый в Книге Мертвых «Великим богом, открывающим врата земли», Большой египетский сфинкс — «страж Ворот восхода» — оберегает покой фараонов и равновесие мира. Стоя на носу Солнечной ладьи фараона, сфинкс-кормчий направляет ее ночное движение по подземному царству змея Апопа. И египетского, и античного сфинкса роднит «взгляд, устремленный в вечность» и особая сакральная функция апотропайона, оберегающего границы сакрального «междумирья». Образ сфинкса широко использовался в античных надгробиях. Семантику скульптурного изображения сфинкса, венчающего погребальную стелу, лучше всего передает надпись на основании архаической стелы из Фессалии, которую приводит Ю. В. Хабарова: «О, сфинкс, порождение Аида, кого ты... охраняешь, сидя на страже мертвых?» (Хабарова 2016, 103).

Стоит заметить, что изображения сфинкса не известны в отношении херсонесских надгробий, и это скорее всего может быть связано с временными границами существования данной художественной традиции. Образ сфинкса получает повсеместное распространение в материковой Греции, на надгробиях второй половины VI в. до н. э. (Хабарова 2016, 94), что вполне вероятно, учитывая тот факт, что появление образа крылатого льва с женским лицом и грудью в греческих мифах относят не позднее, чем к VII в. до н. э. Между тем, дату основания Херсонеса в академическом сообществе при-

нято относить к 422–421 гг. до н. э., хотя и имеются гипотезы, отодвигающие ее к последней четверти VI в. до н. э. (Буйских 2005).

Зато получили известность элементы погребальных памятников и артефактов из Херсонеса с образами других химерических стражей границ миров — сирен и грифонов. Сирен с Херсонесом роднит, прежде всего, морской ареал обитания. Вестницы смерти заманивали моряков на остров мертвых, а их крылатый облик отражал представления о душе, покидающей тело в образе птицы. «Жительницы Аида», «музы иного мира», сирены также могли выполнять роль плакальщиц по усопшему и исполнительниц погребальных песен. В мифологии сирены — три подруги Персефоны, которые гуляли вместе с ней во время драматического похищения девушки Аидом, после чего Деметра просит подруг разыскать свою дочь, а боги снабжают их для этой миссии крыльями.

Безусловный интерес вызывает оправа порталного надгробия ионического типа из Херсонеса со звериным расписным фризом, по сторонам которого на выступающих плоскостях своеобразных пилястр размещены живописно выписанные «гении смерти» — сирены. Портальные намогильные памятники составляют особую категорию надгробий некрополя Херсонеса Таврического. Они представляют собой высокие, около 2,5 м, П-образные в плане сооружения, у которых главным был фасад, представляющий собой живописную стелу-картину, вложенную в ордерную архитектурную раму. Сохранилась фигура только одной женщины-птицы. Ее женское туловище раскрашено ярко-желтым, а птичьи крылья — синим цветом. Поза девы смерти традиционна — одна рука на груди, в другой — свирель (Чубова и др. 2008).

При раскопках башни Зинона были обнаружены фрагменты надгробий и архитектурных деталей с находившегося в непосредственной близости от башни юго-восточного участка городского некрополя. Среди находок выделяются известняковые саркофаги из склепов и скальных могил, принадлежащих зажиточным слоям населения. А. И. Романчук выделяет два фрагмента расписного саркофага: угловую стенку и боковую пилястр. Изобразительные сюжеты на них относятся, предположительно, к последней четверти IV в. до н. э. (Романчук 2008). В частности, на угловом пилястре данного саркофага изображена сирена во время пения в образе женщины с крыльями и птичьими ногами; ее правая рука поднята над головой, левая согнута в локте и опущена вдоль тела.

По угловой стенке данного саркофага шествуют хищные животные и грифоны. Вот описание одного из грифонов: «корпус его изображен в профиль, а грудь и голова повернуты в фас, к зрителю. Мощные крылья мифического животного расправлены; правая передняя лапа выдвинута вперед; левая, вероятно, приподнята; хвост загнут вверх. Длинные перья крыльев переданы белой и синей красками, подкрылки — в золотисто-желтом цвете с оранжево-красными тенями» (Романчук 2008).

Пожалуй, наиболее известен знаменитый каменный рельеф с изображением грифона на торцевой стенке саркофага из Базилики 1935 г. Орлиноголовый грифон изображен в воинственной позе охранника захоронения, с приподнятой левой лапой, приоткрытым клювом и задраным хвостом (Жеребцов 2008, 26). Однако археологический материал некрополей Херсонеса позволяет предполагать, что в погребальной ритуальной традиции происходит трансформация образа грифона в его «стерегущей» функции охранника покоя спящего в могиле из грифона орлиноголового в грифона песьеголового.

Образ грифона активно использовался в декоративно-прикладном творчестве и обнаруживается в многочисленном погребальном инвентаре. На краснофигурном кратере из раскопок К. К. Косцюшко-Валюжинича 1903 г. изображена сцена с воинами и амазонками, атакующими грифонов (Петракова 2020). В нумизматике известен «обол Харона» в виде бронзовой монеты из склепа № 1012 с изображением Артемиды и прыгающего грифона (Косцюшко-Валюжинич 1901, 18). Крылатые грифоны, напоминающие собаку, изображены на костяных пластинах погребального покрова X–XI вв., найденных Г. Д. Беловым в базилике 1932 г. (Андреева 2016). С. Г. Рыжовым в могиле X в. найдена бронзовая пряжка с изображением грифона в образе крылатого льва с головой собаки. Еще одна бронзовая поясная пряжка с рельефным изображением песьеголового грифона из усыпальницы базилики северо-западного угла Херсонесского городища описана К. К. Косцюшко-Валюжиничем в 1901 г. (Отчет... 1901).

Грифон повсеместно вошел в круг греческих представлений о смерти в многоаспектной семантике данного образа: от существа, чей ареал обитания находится на границе реального и потустороннего миров до бдительного стража-охранника покоя вечно усопших. Львиное тело не случайно роднит грифона со сфинксом в их функции охранников вечности. Грифона запрягают в свою колесницу только два бога — Аполлон и Дионис. Будучи частью культа Диониса,

грифон олицетворял непрерывный цикл жизни и смерти, связывал два этих мира. В заключительный день дионисийского праздника Антестерий вспоминали умерших, варили для них ритуальное кушанье из злаков, проводили обряд возлияния вином на могилах предков. Эти действия сопровождалась орфическими гимнами о том, как титаны растерзали бога, а затем он воскрес. Подобно возродившемуся Дионису, умерший человек начнет свое новое существование в загробном мире, на границе с которым обитают грифоны, отсюда популярность и востребованность данного персонажа в предметах погребального культа.

Некрополь является неотъемлемой частью градостроительной структуры полиса, а именно — его сакральным ландшафтом, дающим представление, в том числе, о мифологической картине загробного мира. Доминирующими сакральными точками в ландшафте некрополя являются сами места погребений, маркируемые надгробным памятником с функцией храма, а также непосредственно часовня или храм (в Византийский период). Данные строения содержат как общий семантический код культуры, так и символику архитектурных форм и художественных образов конкретных надгробных памятников и погребальных предметов. Сакральный ландшафт выступает религиозным маркером культуры и является пространством ритуальных практик. При этом границы некрополя и конструктивный принцип его организации (планировки) демонстрирует основополагающую важность в культурной традиции культа предков.

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии потенциального или явного конфликта интересов.

Conflict of Interest

The authors declare that there is no conflict of interest, either existing or potential.

Вклад авторов

Л. В. Дмитриева — 40% текста, научная редакция; А. Д. Чистова — 60% текста, техническое оформление.

Author Contributions

L. V. Dmitrieva — 40% of the text, scientific edition; A. D. Chistova — 60% of the text, technical design.

Литература

- Андреева, О. А. (2016) Грифон на костяной пластине из Херсонеса. В кн.: В. В. Майко, Т. Ю. Яшаева (ред.). *Владимирский сборник. Материалы международных научных конференций «I и II Свято-Владимирские чтения»*. Калининград: РОС-ДАОАФК, с. 6–20.
- Артамонов, М. И. (1961) Антропоморфные божества в религии скифов. В кн.: *Археологический сборник. Вып. 2. Скифо-сарматское время*. Л.: Государственный Эрмитаж, с. 57–87.
- Бердина, В. А. (2015) Танатологические представления древних греков о душе. *Международный научно-исследовательский журнал*, № 6-4 (37), с. 74–76.
- Буйских, А. В. (2005) О пространственной организации некрополя на северном берегу Херсонеса. В кн.: *Херсонесский сборник: сборник научных статей. Вып. 14*. Севастополь: Максим, с. 59–70.
- Велецкая, Н. Н. (1978) Языческие представления о смерти и вечности. В кн.: *Языческая символика славянских архаических ритуалов*. М.: Наука, 240 с.
- Воловик, В. Н. (2013) Категории сакрального ландшафта. *Географический вестник*, № 4 (27), с. 26–34.
- Гагарин, А. С. (2017) Экзистенциал смерти в античной философии (от досократиков до Аристотеля). *Вестник Омского государственного педагогического университета. Гуманитарные исследования*, № 1 (14), с. 12–18.
- Данте Алигьери (1982) Чистилище. В кн.: *Божественная комедия*. М.: Правда, 640 с.
- Десяткова, О. В. (2015) Граница земного и потустороннего в этнокультурном ландшафте вятских марийцев. *Международный журнал исследований культуры*, № 4 (21), с. 97–107.
- Жеребцов, Е. Н. (2008) Античные лапидарные памятники из раскопок «Базилики 1935 года». *Материалы по археологии и истории античного и средневекового Крыма*, № 1, с. 25–29.
- Зубарь, В. М. (2007) О семантике надгробных памятников некрополя Херсонеса классического и эллинистического периодов. *Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: История. Политология. Экономика. Информатика*, т. 2, № 3, с. 5–14.
- Иванчик, А. И. (2015) Скифия как царство мертвых. Греческие представления о периферии ойкумены. В кн.: Т. Н. Джаксон, И. Г. Коновалова, А. В. Подосинов (ред.). *Скифия: Образ и историко-культурное наследие. Материалы конференции*. М.: Институт всеобщей истории РАН, с. 42–43.
- Косцюшко-Валюжинич, К. К. (1901) Извлечение из отчета о раскопках в Херсонесе Таврическом в 1899 г. *Известия Императорской археологической комиссии*, № 1, с. 1–55.
- Лидов, А. М. (2009) *Иеротопия. Пространственные иконы и образы-парадигмы в византийской культуре*. М.: Феория, 352 с.
- Молок, Д. Ю. (1988) Черты имплицитной мифологии в надгробиях греческой классики. В кн.: И. Е. Данилова (ред.). *Жизнь мифа в античности. Материалы научной конференции «Випперовские чтения — 1985»*. Вып. 18. М.: Советский художник, с. 147–154.
- Отчет заведующего раскопками в Херсонесе К. К. Косцюшко-Валюжинича за 1901 год. (1901) К. К. Косцюшко-Валюжинич и его отчеты Императорской Археологической Комиссии. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.kostyushko.chersonesos.org/1901/1901.php> (дата обращения 23.05.24).
- Петракова, А. Е. (2020) «Exotische Utopien einer fernen Welt»: Два краснофигурных кратера с редким изображением грифономахии из раскопок Северного Причерноморья. *Археологические вести*, № 29, с. 278–290. <https://doi.org/10.31600/1817-6976-2020-29-278-290>
- Романчук, А. И. (2008) *Исследования Херсонеса–Херсона. Раскопки. Гипотезы. Проблемы: в 2 т.* Тюмень: Изд-во Тюменского государственного университета; Компания Мир.
- Романчук, С. П. (2000) Сакральні ландшафта. В кн.: О. М. Маринич (ред.). *Збірник наукових праць «Проблеми ландшафтного різноманіття в Україні»*. Киев: Інститут географії НАНУ, с. 144–146.
- Семичева, Е. А. (2011) Природный объект в моделировании сакрального пространства греческих святилищ: к постановке проблемы. *Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: История, Политология, Экономика, Информатика*, № 7 (102), с. 27–31.
- Скржинская, М. В. (1989) Мифы о Геракле в Скифии. В кн.: *Древнейшие государства на территории СССР. Материалы и исследования, 1987 г.* М.: Наука, с. 227–233.
- Сорочан, С. Б. (2013) *Византийский Херсон (вторая половина VI — первая половина X вв.)*. Т. 2. Ч. 2. Харьков; М.: Русский фонд содействия образованию и науке; Изд-во Университета Дмитрия Пожарского, 672 с.
- Стрелецкий, В. Н. (2003) Культурно-ландшафтные исследования в Германии: традиции и современность. В кн.: В. Н. Калущков, Т. М. Красовская (ред.). *Культурный ландшафт: теоретические и региональные исследования. Третий юбилейный выпуск трудов семинара «Культурный ландшафт»*. М.: Изд-во Московского государственного университета, с. 42–54.
- Фиалко, Е. Е. (2005) Скифские амазонки по письменным и археологическим источникам. В кн.: В. Ю. Зуев (ред.). *Боспорский феномен. Проблема соотношения письменных и археологических источников. Материалы Международной научной конференции*. СПб.: Государственный Эрмитаж, с. 242–247.

- Хабарова, Ю. В. (2016) Акротериальная скульптура в оформлении греческих храмов, votivных памятников и надгробных стел в архаический период (конец VII — начало V в. до н. э.). *Вестник Московского университета. Серия 8. История*, № 2, с. 89–108.
- Чубова, А. П., Колесникова, Л. Г., Федоров, Б. Н. (2008) *Архитектура и искусство Херсонеса Таврического V в. до н. э. — IV в. н. э.* М.: КМК, 227 с.
- Шауб, И. Ю. (1987) Погребения кургана Большая Близница как источник по истории религиозных представлений жителей Боспорского царства. *Краткие сообщения Института археологии*, № 191, с. 27–33.
- Элиаде, М. (2000) Образы и символы (эссе о магико-религиозной символике). В кн.: *Миф о вечном возвращении: избранные сочинения*. М.: Ладомир, 414 с.
- Эсхил (1989) *Трагедии*. М.: Наука, 607 с.

References

- Aeschylus (1989) *Tragedii [Tragedies]*. Moscow: Nauka Publ., 607 p. (In Russian)
- Andreeva, O. A. (2016) Griffon na kostyanoj plastine iz Khersonesa [Griffin on a bone plate from Chersonesos]. In: V. V. Majko, T. Yu. Yashaeva (eds.). *Vladimirskij sbornik. Materialy mezhdunarodnykh nauchnykh konferentsij "I i II Svyato-Vladimirskie chteniya" [St Vladimir's readings. Materials of the first and second International scholarly conferences "St Vladimir's Readings"]*. Kaliningrad: ROS-DOAFK Publ., pp. 6–20. (In Russian)
- Artamonov, M. I. (1961) Antropomorfnye bozhestva v religii skifov [Anthropomorphic deities in the religion of the Scythians]. In: *Arkheologicheskij sbornik. Vyp. 2. Skifo-sarmatskoe vremya [Archaeological collection. Iss. 2. Scythian-Sarmatian time]*. Leningrad: State Hermitage Publ., pp. 57–87. (In Russian)
- Berdina, V. A. (2015) Tanatologicheskie predstavleniya drevnikh grekov o dushe [Thanatological presentations of ancient Greeks about the soul]. *Mezhdunarodnyj nauchno-issledovatel'skij zhurnal — International Research Journal*, no. 6-4 (37), pp. 74–76. (In Russian)
- Bujskikh, A. V. (2005) O prostranstvennoj organizatsii nekropolya na severnom beregu Khersonesa [On the spatial organization of the necropolis on the northern shore of Chersonesos]. In: *Khersonesskij sbornik: sbornik nauchnykh statej. Vyp. 14 [Chersonesus collection: Collection of scientific articles. Iss. 14]*. Sevastopol: Maksim Publ., pp. 59–70. (In Russian)
- Chubova, A. P., Kolesnikova, L. G., Fedorov, B. N. (2008) *Arkhitektura i iskusstvo Khersonesa Tavricheskogo V v. do n. e. — IV v. n. e. [Architecture and art of Tauric Chersonese in 5th century BC — 4th century AD]*. Moscow: KMK Scientific Press, 227 p. (In Russian)
- Dante Alighieri (1982) Chistilishche [Purgatory]. In: *Bozhestvennaya komediya [Divine comedy]*. Moscow: Pravda Publ., 640 p. (In Russian)
- Desyatкова, O. V. (2008) Granitsa zemnogo i potustoronnego v etnokul'turnom landshafte vyatskikh marijtsjev [The boundaries of earthly and otherworldly in ethno-cultural landscape of Vyatka Mari]. *Mezhdunarodnyj zhurnal issledovaniy kul'tury — International Journal of Cultural Research*, no. 4 (21), pp. 97–107. (In Russian)
- Eliade, M. (2000) Образы и символы (эссе о магико-религиозной символике) [Images and symbols: Studies in religious symbolism]. In: *Mif o vechnom vozvrashchenii: izbrannyye sochineniya [The myth of the eternal return: Selected works]*. Moscow: Ladomir Publ., 414 p. (In Russian)
- Fialko, E. E. (2005) Skifskie amazonki po pis'mennym i arkhologicheskim istochnikam [Scythian Amazones according written sources and archaeological materials]. In: V. Yu. Zuev (ed.). *Bosporskij fenomen: problema sootnosheniya pis'mennykh i arkhologicheskikh istochnikov. Materialy Mezhdunarodnoj nauchnoj konferentsii [The phenomenon of Bosporan Kingdom: Problems of correlation written & archaeological sources. Proceedings of the International conference]*. Saint Petersburg: State Hermitage Publ., pp. 242–247. (In Russian)
- Gagarin, A. S. (2017) Ekzistentsial smerti v antichnoj filosofii (ot dosokratikov do Aristotelya) [The existential of death in ancient philosophy (from the pre-Socratics to Aristotle)]. *Vestnik Omskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Gumanitarnyye issledovaniya*, no. 1 (14), pp. 12–18. (In Russian)
- Ivanchik, A. I. (2015) Skifiya kak tsarstvo mertvykh. Grecheskie predstavleniya o periferii Ojkumeny [Scythia as the kingdom of the dead. Greek ideas about the periphery of the Ecumene]. In: T. N. Dzhakson, I. G. Konovalova, A. V. Podosinov (eds.). *Skifiya: Obraz i istoriko-kul'turnoe nasledie. Materialy konferentsii [Scythia: Image and historical and cultural heritage. Conference proceedings. Materials of the conference]*. Moscow: Institute of World History of the Russian Academy of Sciences Publ., pp. 42–43. (In Russian)
- Khavarova, Ju. V. (2016) Akroterial'naya skulptura v oformlenii grecheskikh khramov, votivnykh pamyatnikov i nadgrobnnykh stel v arkhaiskij period (konets VII — nachalo V v. do n. e.) [Acroteria sculpture in the decoration of Greek temples, votive and memorial monuments in the archaic period (the end of the VII — the beginning of the V centuries BC)]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 8. Istoriya — Moscow University Bulletin. Series 8. History*, no. 2, pp. 89–108. (In Russian)

- Kostyushko-Valyuzhinich, K. K. (1901) Izvlechenie iz otcheta o raskopkakh v Khersonese Tavricheskom v 1899 g. [An excerpt from 1899 report of the excavations in Tauric Chersonesos]. *Izvestiya Imperatorskoj arkhologicheskoy komissii — Proceedings of the Imperial Archaeological Commission*, no. 1, pp. 1–55. (In Russian)
- Lidov, A. M. (2009) *Ierotopiya. Prostranstvennye ikony i obrazy-paradigmy v vizantijskoj kul'ture [Hierotopia. Spatial icons and image-paradigms in Byzantine culture]*. Moscow: Feoria Publ., 352 p. (In Russian)
- Molok, D. Yu. (1988) Osobennosti implitsitnoj mifologii v nadgrobnykh grecheskoj klassiki [Features of implicit mythology in the tombstones of the Greek]. In: I. E. Danilova (ed.). *Zhizn' mifa v antichnosti. Materialy nauchnoj konferentsii "Vipperovskie chteniya — 1985". Vyp. 18 [Life of myth in antiquity. Proceedings of the scientific conference "Vipper readings — 1985". Iss. 18]*. Moscow: Sovetskij khudozhnik Publ., pp. 147–154. (In Russian)
- Otchet rukovoditelya raskopok v Khersonese K. K. Kostyushko-Valyuzhinicha za 1901 god [Report of the head of excavations in Chersonesos K. K. Kostyushko-Valyuzhinich for 1901]. (1901) *K. K. Kostyushko-Valyuzhinich i ego otchety Imperatorskoj arkhologicheskoy komissii [K. K. Kostyushko-Valyuzhinich and his reports to the Imperial Archaeological Commission]*. [Online]. Available at: <https://www.kostyushko.chersonesos.org/1901/1901.php> (accessed 23.05.24). (In Russian)
- Petrakova, A. E. (2020) "Exotische Utopien einer fernen Welt": dva krasnofigurnykh kratera s redkim izobrazheniem grifonomakhii iz raskopok Severnogo Prichernomor'ya ["Exotic utopias of a distant world": Two red-figure kraters with a rare depiction of grypomachy from the excavations in the Northern Black Sea area]. *Arkheologicheskie novosti — Archaeological News*, no. 29, pp. 278–290. <https://doi.org/10.31600/1817-6976-2020-29-278-290> (In Russian)
- Romanchuk, A. I. (2008) *Issledovaniya Khersonesa–Khersona. Raskopki. Gipoteza. Problemy: v 2 t. [Explorations of Chersonese–Kherson. Excavations. Hypotheses. Problems: In 2 vols]*. Tyumen: Tyumen State University Publ., Kompaniya Mir Publ. (In Russian)
- Romanchuk, S. P. (2000) Sakral'ni landshaft [Sacral landscape]. In: O. M. Marinich (ed.). *Zbirnik naukovikh prats' "Problemi landshaftnogo riznomanitya v Ukraini" [Collection of scientific papers "Problems of landscape diversity in Ukraine"]*. Kyiv: Institute of Geography of the National Academy of Sciences of Ukraine Publ., pp. 144–146. (In Ukraine)
- Semicheva, E. A. (2011) Prirodnyj ob'ekt v modelirovanii sakral'nogo prostranstva grecheskikh svyatilishch: k postanovke problemy [Natural object in modeling sacral space of Greek holy places: Designation of problem]. *Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istorija, Politologiya, Ekonomika, Informatika — Belgorod State University Scientific Bulletin. History, Political Science, Economics, Information Technologies*, no. 7 (102), pp. 27–31. (In Russian)
- Shaub, I. Yu. (1987) Pogrebeniya kurgana Bol'shaya Bliznitsa kak istochnik po istorii religioznykh predstavlenij zhitelej Bosporskogo tsarstva [Burials of the Bolshaya Bliznitsa barrow as a source on the history of religious representations of the inhabitants of the Bosphorus kingdom]. *Kratkie soobshcheniya Instituta arkhologii — Brief Communications of the Institute of Archaeology*, no. 191, pp. 27–33. (In Russian)
- Skrzhinskaya, M. V. (1989) Mify o Gerakle v Skifii [Myths about Heracles in Scythia]. In: *Drevnejšie gosudarstva na territorii SSSR. Materialy i issledovaniya, 1987 g. [The most ancient states on the territory of the USSR. 1987]*. Moscow: Nauka Publ., pp. 227–233. (In Russian)
- Sorochan, S. B. (2013) *Vizantijskij Kherson (vtoraya polovina VI — pervaya polovina X vv.). T. 2. Ch. 2 [Byzantine Kherson (second half of the 6th — first half of the 10th centuries). Vol 2. Pt. 2]*. Kharkiv; Moscow: Russkij fond sodejstviya obrazovaniyu i nauke Publ.; Dmitry Pozharsky University Publ., 672 p. (In Russian)
- Streletsky, V. N. (2003) Kul'turno-landshaftnye issledovaniya v Germanii: traditsii i sovremennost' [Cultural and landscape studies in Germany: Traditions and modernity]. In: V. N. Kalutskov, T. M. Krasovskaya (eds.). *Kul'turnyj landschaft: teoreticheskie i regional'nye issledovaniya. Tretij yubilejnyj vypusk trudov seminar "Kul'turnyj landschaft" [Cultural landscape: Theoretical and regional researches. The third anniversary release of works of a seminar "Cultural landscape"]*. Moscow: Moscow State University Publ., pp. 42–54. (In Russian)
- Veletskaya, N. N. (1978) Yazycheskie predstavleniya o smerti i vechnosti [Pagan ideas about death and eternity]. In: *Yazycheskaya simbolika slavyanskikh arkhaiskikh ritualov [Pagan symbolism of Slavic archaic rituals]*. Moscow: Nauka Publ., 240 p. (In Russian)
- Volovyk, V. N. (2013) Kategorii sakral'nogo landschafta [Categories sacral landscape]. *Geograficheskij vestnik — Geographical Bulletin*, no. 4 (27), pp. 26–34. (In Russian)
- Zherebtsov, E. N. (2008) Antichnye lapidarnye pamyatniki iz raskopok "Baziliki 1935 goda" [Antique lapidary monuments from the excavations of the "Basilica in 1935"]. *Materialy po arkhologii i istorii antichnogo i srednevekovogo Kryma — Materials in Archaeology and History of Ancient and Medieval Crimea*, no. 1, pp. 25–29. (In Russian)
- Zubar, V. M. (2007) O semantike nadgrobnykh pamyatnikov nekropolya Khersonesa klassicheskogo i ellinisticheskogo periodov [On the semantics of tombstones of the necropolis of Chersonesos of the Classical and Hellenistic periods]. *Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istorija. Politologiya. Ekonomika. Informatika*, vol. 2, no. 3, pp. 5–14. (In Russian)

Сведения об авторах

Лариса Валерьевна Дмитриева, SPIN-код: [5283-3609](#), ORCID: [0000-0003-2847-8842](#), e-mail: ffch@mail.ru

Кандидат культурологии, доцент кафедры теории и истории культуры Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена

Анастасия Дмитриевна Чистова, SPIN-код: [1062-8454](#), ORCID: [0009-0000-0766-6647](#), e-mail: chistova.kult@gmail.com

Ассистент кафедры теории и истории культуры Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена

Authors

Larisa V. Dmitrieva, SPIN: [5283-3609](#), ORCID: [0000-0003-2847-8842](#), e-mail: ffch@mail.ru

Candidate of Sciences (Cultural Studies), Associate Professor, Department of Theory and History of Culture, Herzen State Pedagogical University of Russia

Anastasia D. Chistova, SPIN: [1062-8454](#), ORCID: [0009-0000-0766-6647](#), e-mail: chistova.kult@gmail.com

Assistant, Department of Theory and History of Culture, Herzen State Pedagogical University of Russia